

Торговый центр находился довольно далеко от Университета А, так что на метро пришлось бы трястись с кучей пересадок. Поэтому Лу Аньжань, чрезвычайно довольный тем, как изящно проучил наглого мальчишку, с барского плеча поймал у обочины такси.

Аньжань полагал, что Чэн Ци устроится на переднем сиденье — при его-то росте и длинных ногах там было куда просторнее. Однако едва Лу сам закрыл за собой пассажирскую дверь, как соседняя створка распахнулась, и рядом бесцеремонно втиснулся Чэн Ци.

Парни оказались прижаты друг к другу плечом к плечу. Огромный пушистый меховой воротник на куртке Чэн Ци то и дело лез Аньжаню в лицо, заставив его выдать целую серию оглушительных чихов.

Чэн Ци, которому и правда приходилось несладко в тесноте, проворчал:

— Сдвинься немного, а то одежду прижмёт дверью.

Аньжаню, уже предвкушавшему, как он в гордом одиночестве развалится на заднем сиденье, пришлось нехотя потесниться.

На лице Лу Аньжана крупными буквами читалось крайнее недовольство, но Чэн Ци и бровью не повёл. Он преспокойно устроился под боком у соседа и заявил:

— Хочу яичный тарт.

Лу Аньжань недоуменно нахмурился:

— Мы же только что лапшу съели!

И ладно бы обычную, так ведь заказали огромные порции «ассорти» с кучей добавок. Сам Аньжань до сих пор дышал через раз от сытости, а этот прорва уже на десерты заглядывается?

— Растущий организм, аппетит хороший, — не моргнув глазом, парировал Чэн Ци. — К тому же тарты надо есть горячими, иначе весь вкус растеряют.

Аньжаню ничего не оставалось, кроме как зашуршать пакетом и выудить одну из коробочек. Каждое пирожное было упаковано отдельно, и сквозь плотный картон приятно грело пальцы.

Стоило Чэн Ци приоткрыть крышку, как салон такси мгновенно заполнил умопомрачительный сливочно-сладкий аромат выпечки. Раздался отчетливый, соблазнительный хруст слоеного теста.

«И обязательно нужно жевать прямо над моим ухом? — Аньжань раздраженно отвернулся к окну, упрямо сжав челюсти. — И пахнет просто невыносимо вкусно!»

Чэн Ци умял тарт в пару укусов и покосился на соседа:

— Сам не хочешь?

— Не хочу, слишком сладко, — буркнул Аньжань, даже не повернув головы.

Он надеялся, что Чэн Ци проявит хоть каплю вежливости и попытается его уговорить, но тот без зазрения совести протянул руку к пакету:

— Ну, тогда я ещё один возьму.

Аньжань тут же прижал пакет к груди, как драгоценное сокровище.

— Ты вообще человек или прожорливая свинья, Чэн Ци?

Нападок Чэн Ци ничуть не испугался. Слегка улыбнувшись, он примирительно протянул:

— Господин староста общежития, пойми: если ты отказываешься, кто-то же должен спасать выпечку от увядания? Я лишь проявляю инициативу и заботу о коллективном имуществе.

Он легонько ткнул пальцем в пухлый пакет.

— К тому же, если мне не изменяет память, кое-кто скупил аж семь штук подряд просто ради того, чтобы они не достались тому вредному мальчишке...

Не дав ему договорить, Аньжань с силой пихнул очередную коробочку ему в грудь:

— Замолчи!

А он-то надеялся, что Чэн Ци ничего не заметил! Оказывается, этот тип постоянно наблюдает за ним исподтишка.

Чэн Ци быстро расправился со вторым тартом и снова выжидающе уставился на Лу Аньжана.

Тот поспешно переложил пакет в противоположный угол сиденья, подальше от загребущих рук соседа, и выпалил:

— Больше не дам! Чэн Ци, мы взрослые люди, имей хоть каплю самообладания.

Он ведь рассчитывал привезти добычу в комнату и под благовидным предлогом урвать себе хотя бы крошечный кусочек. Но с аппетитами Чэн Ци от этих планов скоро и мокрого места не останется.

— Да я и сам больше не хочу, — с самым невинным видом отозвался Чэн Ци. — Просто напомнить решил: у нас осталось пять штук. На двоих они не делятся. А И Фан и Чжао Шибо за них душу продадут. Подерутся же, помяни моё слово.

Аньжань скептически фыркнул:

— Скажешь тоже. С чего бы им драться?

Они же не в детском саду.

— И зачем мне врать? — Чэн Ци напустил на себя предельно серьезный вид. — Как-то раз я принёс три упаковки острых утиных шеек. Эти двое повздорили из-за лишней порции и устроили настоящую потасовку. Ножка у стула Чжао Шибо, думаешь, сама по себе погнулась? Как раз тогда они её и своротили.

Лу Аньжань промолчал.

Ножка стула у Чжао Шибо действительно была перемотана скотчем.

Заметив, что староста общежития всерьёз задумался, Чэн Ци вкрадчиво добавил:

— Всё-таки мы в одной комнате живём, я исключительно из дружеских чувств предупреждаю.

Он картинно вздохнул и снова потянулся к сладостям.

— Если это такая неразрешимая дилемма, то ладно, я готов принести себя в жертву и съесть ещё один.

Аньжань со шлепком отбил его ладонь:

— И не думай! Тебе больше нельзя!

Но Чэн Ци явно ждал этого маневра: он молниеносно отдернул руку, избежав удара, и хмыкнул:

— Ну ладно, ладно, чего сразу драться-то.

Осадив этого наглеца, Лу Аньжань опустил взгляд на пакет. Пять штук... нечётное число.

«Чем допускать раздор в коллективе или, упаси боже, отдавать пирожное на растерзание Чэн Ци... — Лу Аньжань решительно вздохнул. — Придётся взять этот удар на себя!»

В конце концов, староста общежития он или кто? Самопожертвование — долг каждого лидера!

Чэн Ци подпёр голову ладонью и прикрыл глаза, делая вид, что дремлет. Напоследок он как бы невзначай пробормотал:

— Кстати, пирожные с таро никто из нас троих не жалует. Похоже, испортятся и отправятся в мусорку. Жаль.

Аньжань промолчал, гордо вскинув подбородок.

Однако не прошло и пяти минут, как в тишине салона раздался едва слышный шорох пластиковой упаковки. Звук тут же смолк, словно шуршавший безумно боялся выдать себя.

Чэн Ци даже не шевельнулся — он по-прежнему мирно спал, привалившись виском к прохладному стеклу.

Убедившись, что опасность миновала, Лу Аньжань окончательно расслабился и принялся за пирожное.

Вкус был просто божественным! Чэн Ци оказался прав: выпечку следовало есть свежей. Нежное пюре из таро буквально таяло на языке.

Уловив мерное, тихое чавканье, Чэн Ци приоткрыл один глаз и принялся беззастенчиво наблюдать за спутником через отражение в темном оконном стекле.

Аньжань ел неторопливо, бережно смакуя каждый кусочек. Его щеки забавно раздувались при каждом жевательном движении, а на лице блуждала блаженная, сонная улыбка довольного жизнью кота.

Пока Аньжань не почувствовал на себе взгляд, Чэн Ци поспешно зажмурился и снова принял спящий вид.

Сорок минут в дороге пролетели незаметно, и такси притормозило у ворот кампуса.

Выбираясь со своего сиденья, Лу Аньжань не удержался и тихонько погладил себя по животу.

Всё, лимит исчерпан. Он официально объелся.

Чэн Ци, прекрасно заметивший этот жест, изо всех сил подавил лезущую наружу улыбку. Сделав самый невинный вид, он поинтересовался:

— Что-то не так?

Аньжань мгновенно переложил руку с набитого живота на поясницу и поморщился:

— Да так... Спину потянул. Наверное, когда в торговом центре споткнулся.

— Давай я пакет понесу? — заботливо предложил Чэн Ци. — До корпуса ещё топать и топать, хоть руки освободишь.

— Ну уж нет, — Аньжань смерил его подозрительным взглядом. — Знаю я тебя. Половину по дороге растеряешь. Прямо в желудке.

Чэн Ци лишился дара речи.

Дорога до общежития пришлась как нельзя кстати. Лу Аньжань решил совместить приятное с полезным: не просто растряссти съеденное пешим шагом, но и использовать пакет в качестве импровизированной гантели, чтобы сжечь лишние калории.

Сегодня он знатно сорвался с диеты. Пресса у него и так отродясь не водилось, но обзавестись позорными складками на боках было бы верхом кошмара.

Стоило Лу Аньжаню живо представить себе дряблый, лоснящийся пивной живот какого-нибудь солидного мужчины средних лет, как рука с пакетом завертелась вверх-вниз с такой бешеной скоростью, что превратилась в размытое пятно.

Уже у самого корпуса Аньжань вдруг свернул на боковую тропинку:

— Пойдём в обход, через боковой вход.

Эта дорога делала приличный крюк, зато здесь почти никто не ходил. Аньжань частенько возвращался этой тропой после поздних посиделок в библиотеке.

— Там на втором этаже есть чудесный балкончик, с него открывается отличный вид на Кошачью рощу.

Зимой укутанные пушистым снегом деревья смотрелись отсюда невероятно живописно. Устав от бесконечных конспектов и формул, Лу Аньжань приходил сюда сделать разминку для глаз и просто перевести дух.

Вот только стоило им подняться, как вместо заснеженной сказки перед ними предстало убогое зрелище. Площадка была замусорена до предела.

Пол усыпали серый пепел и растоптанные окурки, а на металлических перилах сиротливо примостилась заплеванная банка из-под колы, заменяющая кому-то пепельницу. В воздухе стоял удушливый, омерзительный запах застарелого табачного перегара.

Любимый уединенный уголок, которым Аньжань ещё ни с кем не успел поделиться, оказался безжалостно осквернен. Он разочарованно поджал губы и резко развернулся к лестнице:

— Пойдём отсюда.

Ещё на прошлой неделе он наткнулся здесь на горы мусора и сразу же оставил заявку коменданту общежития. Парень надеялся, что порядок наведут быстро, но, судя по всему, делать этого никто не собирался.

Стоило им подойти к своей двери, как замок щелкнул, и створка распахнулась настежь:

— Сюрприз!

И Фан с радостным воплем кинулся на шею вошедшему:

— Папа Аньжань вернулся! Что ты мне притащил вкусного?

Однако долететь до цели ему не дали: в лоб прилетела широкая ладонь, остановившая его на полпути.

— Руки убрал, — брезгливо осадил его Чэн Ци.

И Фан опешил, разглядев, кто перед ним стоит. Лицо его мгновенно вытянулось:

— Тьфу ты, а ты тут откуда взялся?

Аньжань ведь только что скинул в общий чат весточку, что подходит к корпусу с полным пакетом еды.

Наблюдая за их вечной пикировкой, Лу Аньжань почувствовал, как недавняя досада

испаряется без следа. Он весело выглянул из-за широкой спины Чэн Ци:

— Я тут.

Лу Аньжань всунул пакет в руки сияющему И Фаню:

— Держи. Поделитесь на двоих с Чжао Шибо.

Он специально всё пересчитал по дороге: теперь количество порций было идеально равным, без всяких там нечётных остатков.

И Фан, радостно урча, утащил добычу к столу Чжао Шибо. Они принялись увлечённо шуршать обертками.

— А мы-то с Шибо с ума сходили! — вещал И Фан, копаясь в пакете. — Первое января на дворе, продираем глаза в обед, а комната пустая. Куда все делись?

Чжао Шибо выудил коробку с тартами и небрежно бросил:

— А вы, оказывается, вместе гуляли.

В комнате повисла мертвая тишина. Шуршание пакетов разом прекратилось. Две пары глаз медленно повернулись к вошедшим, уставившись на них, точно спаренные прожекторы.

— Вы ходили вдвоём? — с подозрением прищурился И Фан.

— И шлялись где-то с самого утра? — поддакнул Чжао Шибо.

И Фан вчитался в название бренда на упаковке:

— Погодите-ка... Если мне память не изменяет, эта кондитерская у торгового центра? Там вечно очереди километровые, а десерты разлетаются за пару часов. Мы же как-то раз пытались туда пробиться! Чэн Ци тогда только глянул на толпу, фыркнул и утащил нас прочь со словами: «Только полные кретины согласны тратить жизнь на такое стояние».

Чжао Шибо многозначительно хмыкнул:

— А теперь этот самый «кретин» безропотно топает под ручку с Лу Аньжанем, чтобы выстоять ту самую очередь для дураков. Интересное кино.

Подобные шпильки Чэн Ци пропустил мимо ушей. Он с самым невозмутимым видом поскрёб подбородок:

— Что-то не припомню за собой подобных глупостей. Выдумываете вы всё.

— Ага, рассказывай больше, — закатил глаза И Фан. — Впрочем, ладно. Ты нас вообще не интересуешь.

Сменив милость на гнев, он с трагическим видом уставился на Лу Аньжання:

— Папа Аньжань! Как ты мог променять меня на этого проходимца? Я думал, я твой единственный, самый любимый и ненаглядный сын!

Чэн Ци непонимающе приподнял бровь:

— Какого ещё сына?

Аньжань же мысленно завис на фразе «пошел развлекаться за спиной». Ему почему-то сразу вспомнилось то дурацкое сообщение Чэн Ци про «тайное свидание», которое тот так поспешно удалил. Он поправил очки и со всей строгостью отчеканил:

— Не считая Мышонка, ты действительно мой единственный сын. И вообще, выражайся приличнее. Мы с Чэн Ци обедали в общественном месте, на глазах у десятков свидетелей. Никаких тайных встреч не было.

После этого заявления в комнате установилась ещё более странная тишина. Три пары глаз уставились на Аньжання с немим вопросом.

Положение спас Чэн Ци. Он перехватил инициативу и хлопнул в ладоши:

— Так, допрос окончен. Будете языками чесать или за еду приметесь? Тарты остывают вообще-то.

Упоминание еды подействовало безотказно. И Фан тут же переключился на коробки, хотя под нос себе всё же пробурчал:

— Точно вам говорю, темнят эти двое...

Договорить ему не дал Чжао Шибо, просто всунув ему в рот целый яичный тарт:

— Жуй давай, конспиролог несчастный.



Умные люди знают: некоторые вещи безопаснее замечать молча.

Для Чжао Шибо главным было то, что в комнате наконец воцарился мир. Больше не нужно было наблюдать, как бедолага И Фан бьётся головой о стену вечной холодности Аньжання, да и страх, что Чэн Ци с Лу Аньжанем в один прекрасный день поубивают друг друга, наконец-то отпустил.

Глядя на жующих соседей, Лу Аньжань почувствовал, как с души спадает тяжелый груз. Он мимолетно повернул голову в сторону Чэн Ци.

Тот, как выяснилось, тоже не сводил с него глаз.

Встретившись взглядами, парни тут же поспешно отвернулись в разные стороны.

Аньжань раздраженно вздохнул.

«И дёрнул же меня чёрт послушаться Чэн Ци и смолчать! Теперь всё действительно выглядит так, будто мы бегали на тайное свидание»

Пока Аньжань настраивался на рабочий лад и тянулся к учебникам, подавая пример прилежного студента, И Фан утер губы салфеткой и заговорил:

— Народ, вы сегодня в общую группу заглядывали? Там кто-то выложил пост про курильщиков на втором этаже. Прямо с фотками. Весь пол заплеван, бычки горой... Зрелище жуткое, если честно.

Поскольку они редко пользовались тем выходом, масштабы бедствия до этого момента оставались для них тайной.

Аньжань достал телефон и зашел в приложение. На иконке чата общежития красовался значок «99+». Пролистывая гневные сообщения, он поинтересовался:

— И что пишут?

И Фан, увлеченно уничтожавший тирамису, невнятно прошамкал:

— Да все жалуются. Мол, вонь стоит невыносимая, дышать нечем. Но виновники, ясное дело, молчат как партизаны.

— Самое паршивое, что тянется это уже не первый месяц, — подал голос Чжао Шибо. — Камер там нет, комендант палец о палец не ударил, а эти наглецы просто затаились. На любые

замечания им плевать. Поорут в чате пару дней и затихают. На то и расчет.

Лу Аньжань недовольно нахмурился. Нахальство этих типов переходило все границы. Промотав историю чата назад, он наткнулся на жалобу одного из студентов: тот писал, что после его гневного поста на балконе демонстративно набросали вдвое больше бычков.

Откровенная провокация.

Негодование росло, но поскольку нарушители оставались безнаказанными, конфликт угасал, не успев разгореться. Всё, на что сподобился староста этажа — это лениво отправить общее уведомление:

[Объявление: Балкон второго этажа в северном крыле является общественной зоной. Пожалуйста, соблюдайте чистоту и уважайте окружающих. Спасибо за понимание.]

Разумеется, этот вежливый призыв к совести все благополучно проигнорировали.

Аньжань призадумался, прикидывая варианты. Решение созрело мгновенно.

Он включил функцию анонимных сообщений, выделил цитату администратора и, быстро набрав текст, нажал кнопку отправки.

[Аноним: Да ладно вам ныть. Я что, у вас дома курю? Развопились тут, как шавки дворовые. Глаза колет — не ходите туда.]

Взрыв был мгновенным. Спокойный до этого чат сдетонировал, как бочка с порохом.

Десятки студентов, годами сидевших в глубоком офлайне, тут же выскочили в сеть. На виртуальную голову наглого «анонима» обрушился шквал отборного гнева.

[Студент\_13: Охренеть! Ты кто такой вообще? Анонимку включил и смелый стал? Сними маску, поговорим!]

[Студент\_04: Слышь, бессмертный, ты берега не попутал?]

[Студент\_22: Вот же шваль наглая. Засрали балкон, так еще и вякают.]

[Студент\_09: Народ, хорош кормить тролля. Пусть этот урод только попробует там еще раз показаться. Увидите его с сигаретой — сразу снимайте на видео и куратору на стол!]

Лу Аньжань с удовлетворением отметил, что громче всех возмущались именно обитатели

комнат северного крыла — те, кто страдал от дыма сильнее остальных.

Когда И Фан наконец отлип от тарелки и заглянул в телефон, его мобильник жалобно завис от лавины уведомлений:

— Ничего себе! — вытаращил он глаза. — Стоило на пару минут отвлечься, а тут уже гражданская война началась! Этому курильщику теперь точно не жить. Его же всей общагой линчуют.

— Туда ему и дорога, — хладнокровно кивнул Чжао Шибо. — За наглость надо платить.

Студенты мгновенно сплотились против общего врага.

Лу Аньжань готов был дать руку на отсечение: если бы сейчас кто-то рискнул выйти на злополучный балкон с сигаретой, разъяренная толпа добровольцев раскатала бы его по бетонному полу прямо там.

Сам же виновник торжества, скромно утаив свою великую заслугу, сидел на кровати и весело болтал ногами, легонько постукивая пятками по перекладине.

«Гениальный Аньжань снова спас этот мир. Каков стратег!»

\*\*\*

После столь грандиозного скандала даже вечно сонная администрация зашевелилась. Комендант лично притащил уборщиков, которые вычистили балкон до блеска, а в группе появилось грозное предупреждение о штрафах и выселении за курение.

На следующий день Лу Аньжань лично наведалься на заветное место. Площадка сияла чистотой — ни окурков, ни пепла, только белый пушистый снег на перилах.

Операция под прикрытием завершилась триумфом.

Стоило ему вернуться в комнату, как обитатели комнаты 302 столкнулись с главной экзистенциальной проблемой любого студента.

Что сегодня на ужин?

И Фан уныло сполз по спинке стула, прижимая к груди опустевший пакет из-под сладостей:

— После яичных тартов, тирамису, печенья с клюквой и клубничного торта моя

пищеварительная система отказывается понимать, чего она хочет. Никаких идей.

Он скорчил жалобную мину и уставился на Лу Аньжання полными вселенской тоски глазами.

Тот не поддался на провокацию и просто запустил в него спелым яблоком:

— Держи, разгони аппетит. Я сегодня больше никуда не пойду — добегу до столовой, перекушу по-быстрому и за учебники сяду. Скоро сессия, надо готовиться.

В праздничные дни в городе творилось безумие, на улицах было не протолкнуться, да и начавшийся снегопад не располагал к долгим прогулкам.

И Фан уже приготовился к унылому походу за пресным рисом, как вдруг Чэн Ци лениво покрутил в руке смартфон:

— Я тут хого собрался заказать. Кто со мной в доле?

Две руки взметнулись вверх с такой скоростью, словно парни сдавали норматив по физкультуре.

У Аньжання тоже загорелись глаза. Но, вспомнив о своем только что озвученном решении никуда не ходить и готовиться, он замялся и остался сидеть на месте.

Чэн Ци неторопливо оглядел присутствующих. Его взгляд скользнул по двум поднятым рукам и задержался на одном тонком пальце, который Аньжань робко приподнял над столом:

— Отлично, оформляем заказ.

И Фана словно током ударило — от недавней вялости не осталось и следа:

— О-о-о! У меня же электрокастрюля есть! Она в сто раз лучше той хлипкой одноразовой посуды, которую курьеры привозят. Я мигом её вымою!

Чжао Шибо тоже засобирался на выход:

— Я тогда до магазина загляну, возьму фруктов и чего-нибудь запить. Скиньте в чат, кому какую газировку или чай брать.

Пока Лу Аньжань сидел в нерешительности, пытаясь понять, посчитали его вообще или нет, Чэн Ци негромко окликнул его и поманил пальцем:

— Эй, староста общежития. Иди сюда, выбирай, что будешь.

Аньжань изо всех сил постарался сохранить суровое и безучастное выражение лица, но ноги сами понесли его к чужому столу.

Ему доверили телефон, но Аньжань первым делом заботливо нажал на те позиции, о которых без умолку мечтал И Фан во время утреннего умывания. Только после этого он присмотрелся к общей сумме внизу экрана. Цифры росли с пугающей скоростью. Парень не решился добавлять что-то ещё и торопливо протянул мобильник обратно.

Молодой господин Чэн, как выяснилось, замахнулся ни много ни мало на доставку из «Хайдилао» — роскошь, о которой обычные студенты могли только мечтать. Ценник там зашкаливал за все разумные пределы.

— И это всё? — приподнял бровь Чэн Ци. — Больше ничего не хочешь?

— Достаточно, — кивнул Аньжань.

— На улице мороз, горячий бульон сейчас в самый раз зайдет. К тому же мы у себя в комнате, никто не мешает, можно сидеть хоть до ночи. Точно ничего не добавишь?

— Точно.

Чэн Ци вздохнул, качая головой. Какая поразительная скромность.

— Лу Аньжань, у меня очень много денег. Правда.

С этими словами он развернул экран смартфона и продемонстрировал баланс своего кошелька.

Аньжань округлил глаза так, что они едва не вывалились из орбит. Честно говоря, он за всю свою жизнь не видел такого невообразимого количества нулей на одном счете.

Все сомнения мгновенно улетучились. Какая, к черту, экономия?!

— Так, тогда пиши: креветочную пасту, ветчину, рубец, бекон, говяжьи фрикадельки, вонтоны с креветками, кукурузу и грибы эноки!

Выдав эту тираду на одном дыхании, Аньжань не рассчитал объем легких, поперхнулся собственной слюной и оглушительно закашлялся. Из глаз брызнули слезы, лицо мгновенно залило краской.

Чэн Ци тут же протянул ему бутылку чистой воды.

Аньжань жадно сделал несколько глотков, утирая выступившие слезы рукавом:

— Спасибо...

Чэн Ци заторможенно кивнул, стараясь не смотреть на его заплаканное лицо.

У Лу Аньжана были потрясающие глаза — чистые, глубокие, на свету отливающие благородным янтарным блеском. Обычно во взгляде сквозила привычная холодность и вежливая дистанция, но сейчас, когда ресницы намокли, а веки покраснели от кашля, от этой неприступности не осталось и следа. Он выглядел беззащитным и невероятно, непозволительно трогательным.

Влажные ресницы, дрожащая слезинка...

В груди у Чэн Ци зашевелилось какое-то темное, собственническое желание заставить этого чистюлю заплакать по-настоящему.

Он отлично помнил, что Лу Аньжань становился точно таким же, когда наедался острой пищи.

К сожалению, в этот раз староста общежития проявил похвальную бдительность. Как бы И Фан ни умолял заказать ядреный острый бульон, Аньжань твердо настоял на компромиссном варианте с двойным разделенным котлом, чтобы поберечь желудки.

Окончательно отдышавшись, Аньжань заметил, что Чэн Ци сидит неподвижно, уставившись в одну точку:

— Эй, ты чего завис? Всё добавил?

Он наклонился ближе, заглядывая в экран чужого телефона.

За последнее время Аньжань привык к обществу соседа и вел себя с ним куда проще, даже не заметив, как пара шелковистых прядей скользнула по плечу Чэн Ци:

— Да у тебя тут пусто! — возмутился он. — Ты вообще ничего не добавил!

Щекочущее прикосновение мягких волос у самого подбородка заставило Чэн Ци мгновенно напрячься всем телом. Он затаил дыхание. Лишь когда Аньжань отпрянул назад, Чэн Ци шумно выдохнул и смущенно кашлянул:

— Извини. Отвлёкся немного. Повтори список, пожалуйста. Я запишу.

Аньжань отобрал у него телефон, недовольно ворча:

— Ну и память у тебя. Как у золотой рыбки...

Он уткнулся в экран, собираясь вручную вбить все ингредиенты, но, пробежавшись глазами по бесконечным рядам меню со значками и ценами, вдруг резко замер.

Повисла неловкая пауза.

«Так... — Аньжань уставился в экран телефона Чэн Ци, силясь воскресить в памяти недавний список. — А что я там вообще диктовал?»

<http://bllate.org/book/18986/1952481>